

языка и имеющих этноспецифическое значение, связано с их «коммуникативной актуальностью» [4, 173] для определенной культуры.

Литература

1. Кыргыз тилинин фразеологиялык сөздүгү. – Фрунзе, 1980.
2. Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 4-е изд., дополненное. – М. : ООО «А ТЕМП», 2009. – 944 с.
3. Кыргыз тилинин сөздүгү / под общей редакцией академика НАН КР А. Акматалиева. – Б., 2011. – 880 б.
4. Стернин, И.А. Избранные работы. Теоретические и прикладные проблемы языкознания / И.А. Стернин; науч. ред. З.Д. Попова. – Воронеж : Истоки, 2008. – 596 с.

УДК 80/811.161.1

Клейнер Ю.А., Филатова Д.Д.
СПбГУ, г. Санкт-Петербург
Kleiner Yu.A., Filatova D.D.
SPbSU, St. Petersburg
y.kleyner@spbu.ru, d.filatova@spbu.ru

**Несостоявшаяся революция Е.Д. Поливанова (рукопись статьи
«Об эволюции русского языка за революционный период (1917–1933)»***
**Evgeny Polivanov's unmaterialized revolution: the manuscript
On the evolution of the Russian language during the
revolutionary period (1917–1933)**

Аннотация: Языковая система, представленная в неопубликованной статье Е. Д. Поливанова в Музее чешской литературы в Праге, включает элементы «социального субстрата», выступающие в качестве активного фактора языковой эволюции. Вместе с другими работами о языковых изменениях данная статья, возможно, является подготовительным этюдом к теории, которую автору не суждено было завершить.

Abstract. Language system as it is represented in Polivanov's unpublished article, preserved in the Museum of Czech literature, Prague, includes 'social substratum' elements regarded as an active factor of language evolution. Together with Polivanov's other works on language change, the article may have been a preparatory work for a theory that was never to be materialized.

* При поддержке гранта Российского научного фонда № 16-18-02042.

Ключевые слова: *Языковые изменения, система, «социальный субстрат», Поливанов, Селищев, Шор.*

Keywords: *Language change, system, 'social substratum', Polivanov, Seliščev, Šor.*

В статье «Филологи и революция» [1] В.М. Алпатов подразделяет филологов на четыре группы в зависимости от их отношения к новому общественному устройству: 1) революционеры; 2) конформисты; 3) плывущие по течению; 4) отстранившиеся. Принимая в целом саму идею такого деления, равно как и доводы (хотя и не безоговорочно) в поддержку его, заметим все же, что при различии в способах приспособления к ситуации, в которой оказались все эти люди, общим для них оставались некоторые фундаментальные принципы, не позволяющие свести всю их деятельность как ученых к заурядному конформизму. О последнем, казалось бы, свидетельствуют попытки, зачастую наивные, вписаться в господствующее течение. Неслучайным, в этом смысле, было лозунговое название сборника статей Е.Д. Поливанова — «За марксистское языкознание» [2] или — более тонкое у А.М. Селищева — иллюстрирование подлинной экспрессивности, свойственной языку революционной эпохи, цитатами из Ленина [3], в противовес Керенскому, речь которого на государственном совещании в Москве характеризуют «торжественная приподнятость стиля в духе Карамзина, словесные конструкции по тому же образцу, поэтический лиризм и малая реальная значимость ритмических периодов, усилие „найти какие-то новые нечеловеческие слова“ и безнадежность призывов и угроз» [4, 142]. Впрочем, и это не перечеркивает всех достоинств работ Селищева, в особенности, его книги «Язык революционной эпохи» [5]. Книга содержит обширное общелингвистическое введение («Речевой процесс», «Языковая система», «Язык как социальное явление»), ссылки на работы ведущих лингвистов (Бодуэн де Куртенэ, Соссюр, Вандриес) и социологов (Дюркгейм, П. Сорокин). Тем не менее, главная ценность ее в богатейшем материале, иллюстрирующем процессы, происходящие в лексике русского языка рассматриваемого периода («Распространение особенностей речи деятелей революционной эпохи в условиях общения», «Языковые новшества на фабрике и заводе», «В деревне», «Слова иноязычного происхождения», «Слова, изменившие значение»).

Интерес к процессам, происходящим в русском языке в период крупнейших общественных потрясений, со стороны историка языка и диалектолога Селищева вполне объясним. Столь же понятен он и у Поливанова – компаративиста и историка, которого, к тому же (а возможно, и в еще большей степени) интересовал общелингвистический контекст происходящих процессов.

В отличие от Селищева, материалом для работ Поливанова, посвященных данной проблеме ([2], [6]), служит не только лексика, ср.: «О фонетических признаках социально-групповых диалектов», «Фонетика интеллигентского

языка» и др. Впрочем, и лексика интересует Поливанова не только и не столько как лексиколога, сколько как историка и социолога языка. В перечисленных работах упор сделан на социальную стратификацию; в статье «Стук по блату» речь идет о функционировании лексики определенного типа в определенной социальной среде, в статье «О блатном языке учащихся и славянском языке революции» – о различных регистрах (неологизмы, архаизмы) и т. д.

В центре внимания Поливанова оставались при этом языковые изменения. Интерес к ним проявился у Поливанова уже в ранний период его научной деятельности¹ и явно возрос в конце 1920-х и начале 1930-х гг.² Известно, что Поливанов говорил «о существовании рукописи под названием „Теория эволюции языка“» [6, с. 318], не дошедшей до нас. Имелось ли в виду уже законченное или находящееся в процессе подготовки исследование, неизвестно, однако обобщающее изложение теории языковой эволюции несомненно входило в намерения Поливанова.

В этой связи, чрезвычайно важным представляется неопубликованное сочинение Поливанова «Об эволюции русского языка за революционный период (1917–1933)», рукопись которого хранится в Литературном архиве Музея национальной литературы в Праге (в фонде Р. О. Якобсона) и занимает 5 папок в разделе «Rukopisy cizí: Články, stati, recenze, přednášky, studie»: № 1, 3, 15, 23, 27³. Само название работы указывает на переключку с книгой Селищева, которая характеризуется здесь как «сводка конкретных фактов». В опубликованной рецензии Поливанова на эту книгу, весьма критической, хотя в целом положительной, обращается внимание на то, что «„наблюдения над русским языком последних лет“ ограничиваются почти исключительно словарем и фразеологией, ибо это и есть та область языковых явлений, где наиболее ярко и наиболее непосредственно отразилось политическое содержание эпохи. Фонетике же отведено, например, лишь несколько весьма кратких экскурсов <...> Ибо отнюдь не фонетика, а словарь, и только словарь, делает современный язык <...> непонятым для обывателя с языковым мышлением 1910–1916 годов. Больше того: поскольку речь будет идти об одном лишь стандартном языке, можно вообще сомневаться в наличии более или менее серьезных сдвигов в области фонетики за последнее десятилетие (что касается морфологии, то здесь определенное содержание новшеств уже бесспорно, поскольку мы причисляем к морфологии приемы аббревиатурного

¹ Помимо книги «Понятие эволюции в языке» (на узб. яз.) и приложения к ней — брошюры «Фонетические конвергенции», упоминаемых в [6, с. 317–318], ср. работы 1923-го г.: «Из теории фонетических конвергенций» (две статьи: [7], [8]); «Проблема происхождения Umlaut'a» [9].

² Ср. «Факторы фонетической эволюции языка как трудового процесса» [10], «Историческое языкознание и языковая политика» [11], «Где лежат причины языковой эволюции» [12], рец. на: R. Jakobson. *Rémarques sur l'évolution phonologique du russe comparée à celle des autres langues slaves*» [13].

³ Папки с документами фонда Якобсона не пронумерованы, листы в папках также не имеют архивной пагинации; в приводимых нами ссылках первое число соответствует порядку перечисления папок в указанном разделе описи фонда, второе является номером фотокадра, отражающим воображаемую сквозную нумерацию листов или страниц внутри папки.

словообразования). Но если объектом изучения будет вся совокупность территориальных и социально-групповых говоров, объемлемых понятием «русского языка революционной эпохи», здесь будет, без сомнения, и обильный чисто-фонетический материал новшеств революционного происхождения. <...> Широкое развитие подобных фонетических тем может найти место уже в дальнейших работах, – работах иного плана, иного охвата темы» [14, 138].

Для Селищева лексические новшества, в том числе, индивидуальные – свидетельство языковых изменений, ср.: «Язык каждой социальной группы и каждого индивидуума <...> подвергается постоянным изменениям» [4, 141]. Это – весьма распространенная, в сущности, младограмматическая точка зрения, но с упором на социально-экономические факторы. То же мы видим и у Поливанова, но с оговоркой: «Можно считать общепринятым, что чем значительнее данный социальный (экономический и политический) сдвиг, пережитый нацией, тем крупнее будут и те языковые изменения, тем значительнее будет та сумма языковых новшеств, которые оказываются результатом данного социально-исторического процесса <...> Всё это, конечно, фактически верно и может быть подтверждено конкретным материалом языковых фактов <...> Но этими общими положениями, ставящими вне сомнения языковые результаты социальных сдвигов вообще и грандиозность языковых изменений, обусловленных революционной эпохой, собственно говоря, и исчерпывается то, что нам по этому общему вопросу достоверно известно и что можно считать общепринятым. Дальше идут уже разногласия и лабиринты неразрешенных проблем. Спорным (или неясным) является уже вопрос о сфере воздействия социально-исторических новшеств на язык: какая именно область языковых явлений способна – или, наоборот, неспособна – отражать в себе определённые факты, в частности революционные сдвиги социальной истории? <...> Безоговорочно принимается лишь факт воздействия (со стороны социальной истории) на словарь, т. е. на лексику данного языка. <...> Но этим... и исчерпывается область бесспорных ... фактов...» [03_09–15].

Для Поливанова заданность изменения самой системой языка вовсе не самоочевидна [15]. Обоснования требует и то, что изменения в языке провоцирует изменение «социального субстрата». Отсюда и вопрос «В чем же ещё – кроме словаря (с фразеологией) – сказывается, или может сказаться, влияние социальных сдвигов на язык?» [03_17]. Первым, в этой связи, называется влияние на графику и орфографию, и в частности на русскую графическую и орфографическую реформу 1917 г., которая, говоря по существу дела, представляет собою «ничто иное как революцию ... если понимать под революцией не один только социально-политический сдвиг, но всю совокупность органически связанных с ним мутаций во всех областях и углах быта» [03_19].

Напомним, что «Декретъ о введеніи новаго правописанія» [16] был одним из первых распоряжений (23.12.1917) и первым актом «языкового строительства» власти, отождествлявшей характер коммуникации с данным режимом⁴. Указание на революционность изменения в понимаемой таким образом системе предполагает его необратимость, что совсем не очевидно в случае изменений в лексике. Последняя сопоставляется с уровневными элементами системы – морфологией, синтаксисом и фонетикой, по поводу которых задаются те же вопросы: «Существуют ли вообще морфологические и синтаксические новшества, <...> обусловленные, именно социальными сдвигами в частности революцией? <...> если существуют вообще, то в чем именно состоят фонетические явления, причиненные факторами социальной истории?» [03_25–27, 29].

Сопоставление выявляет скорее различия, например, касающиеся хронологического аспекта языковой эволюции: «относительное обилие словарных новшеств (по сравнению с морфологическими, respective фонетическими результатами Революции) объясняется просто „скороспелостью“ <...> словарных новшеств, а массовый итог новшеств морфологических и фонетических выявится лишь через одно или два (а может быть и больше: 3 и 4) революционных поколения» [03_33].

Гораздо важнее этой связи вопрос: «Как, какими путями, через какие цепи причинных зависимостей могут влиять на морфологию и синтаксис социальные сдвиги?» [03_33]. Здесь вновь указывается на то, что «только в относительно-небольшой, и притом принадлежащей к определенным лишь частям (или системам) языка (Прим.: Именно к словарной и фразеологической системам) <...> специфические соц.-эк. факторы влияют на эволюцию непосредственно. Это имеет место в области словаря, фразеологии (и лишь *через посредство последних* – иногда – в морфологии и т. д.)» [01_16–17] (выделено нами – Ю. К., Д. Ф.).

Здесь Поливанов исходит из общего постулата о том, что «сам язык представляет собою экономическое явление, именно деятельность, преследующую определенные цели, служащую ... общению» [01_07], чем и обусловлено, по его представлению, влияние социально-экономических факторов на «ход эволюции (фонетический, морфологический, словарный и т.д.)» [03_06]. К числу собственно лингвистических факторов эволюции он относит, в том числе, *экономию* (физиологической энергии и мыслительной деятельности), приводящую к упрощению языковой системы «в виде сокращения числа фонологических элементов, т. е. конвергенции фонем, и в

⁴ Ср. у Поливанова: «Максимальная (или максималистическая) реформа, которая по содержанию своему соответствовала бы: интернационалистической программе большевизма, должна была бы выразиться в латинизации русского письма <...> Но времени совещаться, переобдумывать, выработать заново — не было (тем более, поскольку в портфеле у Комитета по Народному Образованию лежал уже готовый проект) — нужно было немедленно (подобно декретам о мире, о земле, о национальном вопросе и т. д.) декретизировать (и проводить в советской прессе, печати и т. д.) реформу, которая была бы демократизацией письма» [01_24–25].

виде упрощений морфологических, по т. н. „анalogии“ или морфологической ассимиляции <...> и подобные же синтаксические упрощения» [01_13]. Подчеркивается, что «признание этой категории факторов служит безусловно необходимым и опорным пунктом нашей „теории эволюции языка“, и без этого признания наша „теория эволюции языка“ вовсе не мыслима» [01_13].

Говоря «наша теория», Поливанов несомненно хочет подчеркнуть не только разногласия с предшественниками, но и – не столь очевидные – отличия его концепции от современных ему взглядов на язык и его эволюцию, прежде всего, структуралистских. Последние, как известно, рассматривают язык как чистую структуру, некую «вещь в себе», вне связи с экстралингвистическими составляющими коммуникации, в том числе, и ее участниками, т. е. носителями языка. Система, как она понимается Поливановым, шире «сосюрговской». Это относится и к ее синхронному состоянию, куда включается «социальный субстрат», и к диахронии, понимаемой как «совокупность мутаций во всех областях», что и обосновывает вмешательство субстрата в систему собственно языка. При желании здесь можно усмотреть влияние марксизма, хотя правильнее было бы говорить о схождении с ним. Подтверждение этому находим в разделе рукописи, специально посвященном положениям Маркса, имеющим отношение к языку: «утверждение о том, что сам язык есть трудовой процесс (имеющий определенную цель, служащий средством борьбы за существование и т. д. ... и способный обнаруживать ту же тенденцию к экономии энергии, что и другие, ближайшие сходные, трудовые процессы) – это совсем особая <...> вещь; и при том это настолько важное утверждение, что без него я считаю немислимым подходить к вопросу о мотивировке языковой эволюции... – это утверждение я считаю именно наиболее соответствующим духу марксизма из всего, что говорилось по поводу эволюции языка» [01_14].

Ссылки на «классиков» приводятся скорее в связи с полемикой, которую Поливанов *вынужден* вести с «горе-марксистами»: «разве Маркс говорил где-либо, что на эволюцию языка могут влиять только внеязыковые факторы (а не внутриязыковые факторы экономического порядка – т. е. вытекающие из того, что сам язык есть экономическое явление)? – Нет, Маркс нигде этого не говорит. Зато у Энгельса можно найти известные высказывания, которые гармонируют именно с моей точкой зрения (и вообще, от скольких бы глупостей извבלены были наши горе-марксисты от лингвистики, если бы они внимательно прочитали высказывания Энгельса по вопросам языка (и отдельных языковых явлений) (и притом, советую, пользовались бы именно оригиналом, а не русским переводом, который не всегда терминологически-точен)» [01_15].

Свое собственное видение марксистского языкознания Поливанов формулирует следующим образом: «основную цель нашего советского направления нашей науки я вижу вовсе не в том, чтобы перебалтывать то, что сказано Марксом, а именно в том, чтобы устанавливать новые не высказанные

Марксом положения (в нашем деле – положения по вопросам языка, которыми ведь Маркс специально и не занимался), но – такие положения, с которыми Маркс (как и классики марксизма вообще) должен был бы согласиться, если бы прочел их, т.е. признал бы их марксистскими» [01_15].

Такой подход, совсем не конъюнктурный, означал бы серьезную ревизию понятия языковой системы (с включением в нее участников коммуникации = «трудового процесса»), а в конечном счете, возможно, и философии марксизма⁵.

По понятным причинам, ревизия языкознания (и философии) не состоялась. Замечательные идеи Поливанова, в том числе, идеи, содержащиеся в рукописи, которую сам он называет «конспектом», не сложились в законченную теорию. Как и опубликованные работы конца 1920-х и начала 1930-х гг., статья, осталась лишь подготовительным этюдом к фундаментальному исследованию, которое автору не суждено было завершить.

Литература

1. Алпатов, В.М. Филологи и революция / В.М. Алпатов // Новое литературное обозрение. – 2002. – № 53 – С. 199–216.
2. Поливанов, Е.Д. За марксистское языкознание / Е.Д. Поливанов. – М. : Федерация, 1931. – 184 с.
3. Селищев, А.М. Выразительность и образность языка революционной эпохи / А.М. Селищев // Селищев А.М. Избранные труды. – М. : Просвещение, 1968. – С. 147–158 (впервые: Родной язык в школе. – 1927. – №3).
4. Селищев, А.М. Революция и язык / А.М. Селищев // Селищев, А.М. Избранные труды – М.: Просвещение, 1968. – С. 141–146 (впервые: На путях к педагогическому самообразованию. – М. : Мир, 1925).
5. Селищев, А.М. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком (1917–1926) / А.М. Селищев. – М. : УРСС, 2003. – 247 с. (впервые: Язык революционной эпохи : из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926) / А.М. Селищев. – М. : Работник просвещения, 1928. – 248 с.).
6. Поливанов, Е.Д. Статьи по общему языкознанию / Е.Д. Поливанов. – М. : Наука, 1968. – 376 с.
7. Поливанов, Е.Д. Из теории фонетических конвергенции. Латинский пример конвергенции с полным уподоблением (Первая статья по теории

---

⁵ Сходные попытки сформулировать принципы «марксистского языкознания» предпринимались Р. О. Шор, с присущей ей филологической основательностью проработавшей труды Маркса и марксистов в сопоставлении с лингвистическими сочинениями Б. Дельбрюка, О. Есперсена и, главное, Соссюра, в теории которого были выявлены противоречия в его собственных построениях. При должном развитии такая критика «изнутри» могла бы привести к созданию теории, основанной на подлинной системности в соотношении синхронии и диахронии как двух планов, предполагающих друг друга по определению. Системность, характеризующая «синхронный срез», присуща и общественно-экономической формации Маркса.

- фонетических конвергенций) / Е.Д. Поливанов // Сборник Туркестанского восточного института в честь проф. А.Э. Шмидта. (25 летие его первой лекции 15/28 января 1898–1923 г.). – Ташкент, 1923. – С. 106–108.
8. Поливанов, Е.Д. Из теории фонетических конвергенции. Вторая статья по теории фонетических конвергенций / Е. Д. Поливанов // Сборник Туркестанского восточного института в честь проф. А. Э. Шмидта. (25-летие его первой лекции 15/28 января 1898–1923 г.). – Ташкент, 1923 – С. 108–115.
  9. Поливанов, Е.Д. Причины происхождения Umlaut'a / Е.Д. Поливанов // Сборник Туркестанского восточного института в честь проф. А.Э. Шмидта. (25-летие его первой лекции 15/28 января 1898–1923 г.). – Ташкент, 1923. – С. 120–123.
  10. Поливанов, Е.Д. Факторы фонетической эволюции языка как трудового процесса / Е.Д. Поливанов // Поливанов, Е.Д. Статьи по общему языкознанию. – М. : Наука, 1968. – С. 57–74 (впервые: Ученые записки Института языка и литературы Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук [РАНИОН]. – Т. III. – М., 1928).
  11. Поливанов, Е.Д. Историческое языкознание и языковая политика / Е.Д. Поливанов // Поливанов, Е. Д. За марксистское языкознание – М. : Федерация, 1931. – С. 10–36.
  12. Поливанов, Е.Д. Где лежат причины языковой эволюции / Е.Д. Поливанов // Поливанов, Е.Д. За марксистское языкознание – М. : Федерация, 1931. – С. 36–54
  13. Поливанов, Е.Д. Рецензия на книгу Р. Якобсона / Е.Д. Поливанов // Поливанов, Е.Д. Статьи по общему языкознанию. – М. : Наука, 1968 – С. 135–142 (впервые: Slavia, ročník XI, sešit 1, 1932).
  14. Поливанов, Е.Д. [рецензия на:] А. Селищев. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет, 1917–1926 // Родной язык и литература в трудовой школе. – 1928. – № 3. – С. 135–138.
  15. Клейнер, Ю.А. Языковые изменения и динамика языка / Ю.А. Клейнер // Филология. Русский язык. Образование. Сборник статей, посвященный юбилею профессора Л.А. Вербицкой. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2006. – С. 126–136.
  16. Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. Самый полный интернет архив [Электронный ресурс]: 20000 документов с 1917 по 1992 г. 1) Все документы с 1917 по 1924 г. – URL: // <http://www.libussr.ru/index.htm>.

«Национальные лингвосферы – сопредельные зоны партнерства»

(Ч.Айтматов)

**Кыргызский
национальный
университет
им.Жусупа Баласагына**

**Международная
ассоциация
преподавателей
русского языка
и литературы
(МАПРЯЛ)**

**Ассоциация
русистов
Кыргызстана
(ОКПРЯЛ)**

Материалы Международной научной конференции,
посвященной 90-летию Чингиза Торекуловича Айтматова

**«Национальные лингвосферы – сопредельные
зоны партнерства» *(Ч.Айтматов)***

24 – 26 октября 2018 г.

Бишкек 2018

УДК 80/81
ББК 81
Н 35

Редакционная коллегия:

Сардарбек кызы Н., кандидат филологических наук, доцент –
ответственная за выпуск

Коротенко Г.Н., кандидат филологических наук, доцент

Дюшебекова Б.Т., кандидат филологических наук, доцент

Чепекова Г.С., кандидат педагогических наук

Н 35 «Национальные лингвосферы – сопредельные зоны партнерства»
(Ч.Айтматов) – Б.: 2018. – 336 с.

ISBN 978-9967-32-323-0

В настоящем сборнике представлены материалы Международной научной конференции «**Национальные лингвосферы – сопредельные зоны партнерства**» (Ч.Айтматов), посвященной 90-летию выдающегося писателя-мыслителя Чингиза Торекуловича Айтматова. Исследователи в статьях отмечают неисчерпаемую актуальность многогранного творчества Ч.Айтматова, стремящегося показать эволюцию сознания человека и условий его существования. Вместе с тем в тематический диапазон статей вошли и актуальные проблемы развития современной филологической науки. Сборник предназначен для широкого круга читателей.

Н 4602000000-18
ISBN 978-9967-32-323-0

УДК 80/81
ББК 81